

А.В. ОСТРОВСКИЙ

Аграрная эволюция пореформенной Европейской России: дискуссионные проблемы*

В статье показано, что в Европейской России к концу XIX в., с одной стороны, были исчерпаны возможности экстенсивного развития сельского хозяйства, с другой – на рубеже XIX–XX вв. происходило сужение возможностей его интенсификации, что создавало условия для обострения социальных противоречий.

Ключевые слова: сельское хозяйство, эксплуатация, доходность, социальная дифференциация, община, аграрная история России.

Непрекращающиеся споры о революции 1917 г. в России снова и снова возвращают нас к тому, что происходило в дореволюционной российской деревне. И хотя этому посвящена огромная литература, существует целый ряд не только дискуссионных, но и вообще неизученных проблем.

Проблемы сельскохозяйственного производства

В советской литературе было общепризнано, что в основе аграрной эволюции лежала смена способов производства, однако при этом способ производства сводился главным образом к *производственным отношениям*. В результате у нас до сих пор нет истории *сельскохозяйственного производства*, а то немногое, что имеется на этот счет, дает не только фрагментарное, но и во многом искаженное представление об основных этапах его развития, об уровне, достигнутом им к началу XX в. Прежде всего это касается земледелия, составлявшего основу сельского хозяйства дореволюционной России.

В развитии земледельческого производства (имеется в виду пашенное неорошаемое земледелие) можно выделить три этапа, которым соответствовали три системы земледелия: переложно-залежная, трехполье и многополье. При использовании переложно-залежной системы под посевом находилось менее 50% пашни, и она эксплуатировалась до тех пор, пока давала более или менее удовлетворительный урожай. При трехполье засевалось 67% пашни, а ее плодородие регулировалось с помощью удобрения. При многополье под посев использовалась почти вся пашня, а ее плодородие регулировалось как с помощью удобрения, так и с помощью рационального чередования высеваемых культур.

* Публикуемая статья представляет собою доклад, сделанный автором 17 сентября 2014 г. на семинаре по крестьяноведению в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ. Стенограмму обсуждения доклада см. [Крестьяноведение... 2014].

Островский Александр Владимирович – доктор исторических наук, и.о. профессора кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. Адрес: Большевиков просп., д. 22, корп. 1, Санкт-Петербург, 193232. E-mail: rector@sut.ru.

Считается, что в России уже к XVI в. утвердилось трехполье, которое в конце XVIII–первой половине XIX в. оказалось в состоянии кризиса, и под его влиянием начался переход к многополью [Огановский 1911, с. 258; Крохалев 1960, с. 18; Слободин 1952, с. 21; 1971, с. 281; Дружинин 1978, с. 150]. В основе этих представлений лежат материалы иллюстративного характера, причем относящиеся лишь к *нечерноземным* губерниям. Между тем обращение к материалам *всех губерний* Европейской России показало, что, хотя переход от переложно-залежной системы к трехполью начался в XIV–XV вв., он растянулся на несколько столетий и не завершился даже к началу XX в. [Островский 2013, с. 61–106].

Одно это свидетельствует, что: а) в действительности земледельческое производство Европейской России к началу XX в. отставало в своем развитии от того уровня, который приписывается ему, на *целую эпоху*; б) поскольку агрикультурный уровень земледелия – один из важнейших факторов, определявших общее развитие деревни, ошибка, допущенная в определении агрикультурного уровня российского земледелия, не позволяет понять многие процессы, происходившие в российской деревне в периоды как позднего феодализма, так и складывания и утверждения капитализма.

При этом ошибка была допущена не только в определении агрикультурного уровня пореформенного земледелия, но и в трактовке понятия “трехполье”. Не учитывая разницы между понятиями “система земледелия” и “система севооборота” и сводя трехполье только к *системе севооборота*, подавляющее большинство историков-аграрников рассматривают трехполье как экстенсивную систему земледелия и считают, что вплоть до начала XX в. земледелие Европейской России развивалось экстенсивно. На самом деле экстенсивный характер оно имело только на стадии переложно-залежной системы, а переход к трехполью, открывшему возможность повышения плодородия земли с помощью удобрения, означал перевод земледелия на путь *интенсивного развития*.

В 1980 г. была сделана попытка обосновать мнение о том, что до начала XX в. развитие земледельческого производства Европейской России продолжало сохранять экстенсивный характер [Воскресенская 1980]. Однако использованный для доказательства этого критерий неустойчивости урожаев представляется неубедительным. Если же исходить из того, какую роль в производстве хлеба играли такие факторы, как увеличение площади посева и урожаев, то окажется, что в 1896–1915 гг. рост зернового производства на 60% определялся повышением производительности земли и только на 40% – расширением площади посевов [Островский 2013^a, с. 226–227]. Иначе говоря, к концу XIX в. возможности экстенсивного развития земледелия на территории Европейской России *были исчерпаны*.

В связи с этим принципиальное значение имеет вопрос о динамике площади пашни. Долгое время на этот счет исследователи оперировали официальными данными о площади пашни на 1860-е, 1877, 1881 и 1887 гг. и не имели возможности судить о положении дел в этом вопросе на рубеже веков. В 1960-е гг. В. Яцунский сделал попытку определить площадь пашни на 1912 г. расчетным путем [Яцунский 1961, с. 116, 125–127], но допустил в расчетах ошибку. Имея возможность исправить эту ошибку, а также использовать почему-то оказавшиеся вне поля зрения исследователей данные о площади пашни за 1901 г., я получил следующую картину динамики площади пашни: 1860-е гг. – 88 млн дес., 1887 г. – 117 млн, 1901 г. – 120 млн, 1912 г. – 120 млн, 1955 г. – 120 млн дес. [Островский 2013^a, с. 62, 70].

Это означает, что к концу XIX в. распашка земель в Европейской России фактически прекратилась и дальнейшее расширение площади посевов происходило главным образом в результате перехода от переложно-залежной системы земледелия, возможности которой к началу XX в. находились на грани исчерпания даже в южных губерниях, к трехполью. Исходя из этого можно утверждать, что к концу XIX в. развитие сельского хозяйства Европейской России вступило в ту стадию, на которой дальнейший рост производства в соответствии с темпами роста численности населения был возможен главным образом за счет повышения урожайности, то есть за счет интенсификации сельского хозяйства, в том числе земледельческого производства.

Решение этой задачи прежде всего зависело от состояния животноводства. Между тем имевшееся поголовье рабочего скота не позволяло обрабатывать пашню в соответствии с существовавшими при трехполье агротехническими требованиями. Поэтому даже там, где уже давно господствовала эта система земледелия, вместо *трехкратной* обработки парового поля производилась только *двукратная*. Общее поголовье скота не обеспечивало и удобрения парового поля в соответствии с существовавшими требованиями: при норме 2400 пудов на десятину пара вывозилось менее 1000 пудов навоза и в среднем удобрялось лишь около 40% пара [*Островский* 2013^a, с. 99–105].

В результате если в первые пореформенные годы происходило медленное повышение обеспеченности населения хлебом, то на рубеже веков оно стабилизировалось примерно на одном уровне. Этот уровень позволял России обеспечивать необходимые *продовольственные* потребности, но не давал возможности удовлетворять потребности *фуражные*. А поскольку часть хлеба шла на экспорт, в результате остающегося хлеба не хватало даже для удовлетворения *продовольственных* потребностей. Именно в этом заключалась главная причина расширения употребления в пищу картофеля, а в качестве фуража – различного рода суррогатов, прежде всего соломы [*Островский* 2013^a, с. 215–225, 228–269, 275–283].

Еще раньше были исчерпаны возможности экстенсивного развития животноводства. На протяжении по крайней мере двух столетий происходило сужение его кормовой базы. В начале XVIII в. площадь лугов составляла 4,5 дес. на душу населения, в середине XVIII в. – 2,6, в начале XIX в. – 1,8, в середине XIX в. – 1,2 дес., XX в. – менее 1,0 дес. [*Островский* 2013^a, с. 54–55, 62]. Как предреформенные, так и пореформенные годы характеризовались сокращением обеспеченности населения скотом. По самым скромным расчетам после отмены крепостного права она уменьшилась примерно в полтора раза. Причем продуктивность крупного рогатого скота и овец имела явную тенденцию к снижению. В начале XX в. животноводство могло обеспечить потребности населения в мясе на 25%, в молоке на 20%, в яйцах на 10% [*Островский* 2014, с. 52–59, 308]. Остановить и переломить развитие этого процесса могло только ускорение темпов интенсификации сельскохозяйственного производства, то есть повышение производительности земли.

Проблемы эксплуатации крестьянства

Поскольку сельскохозяйственное производство в основном было сосредоточено в крестьянских хозяйствах, имевших около 90% всех посевов и 95% рабочего и продуктивного скота [Предварительные... 1916], решение проблемы интенсификации сельского хозяйства прежде всего зависело от состояния, в котором находилось крестьянство. А возможности крестьянства в этом отношении зависели не только от того, что, сколько и как оно производило, но и от того, какая часть производимого им прибавочного продукта оставалась в его руках, какая отчуждалась за пределы его хозяйства, то есть от масштабов и степени эксплуатации.

В советской литературе доминировало мнение, что, начиная с Киевской Руси, эксплуатация населения постоянно увеличивалась. На абсурдность подобных представлений в свое время обратил внимание А. Шапиро, который высказал совершенно верную мысль, что динамика эксплуатации имела волнообразный характер [*Шапиро* 1959, с. 221; *Шапиро* 1977, с. 189]. Однако точно так же, как до сих пор у нас нет истории сельскохозяйственного производства России, нет и конкретного, обоснованного представления о динамике эксплуатации крестьянства за весь пореформенный период.

Степень эксплуатации зависит от двух показателей – размера прибавочного продукта и размера изымаемого продукта. Поскольку накануне отмены крепостного права имело место сокращение обеспеченности населения не только хлебом [*Ковальченко* 1959, с. 53–86], но и скотом [*Ковальченко* 1960, с. 173–204], а производительность труда при этом не повышалась, есть основания думать, что одновременно происходило

сокращение прибавочного продукта на душу населения. Попытка Б. Миронова пересмотреть эту точку зрения, на мой взгляд, неубедительна [Миронов 2010, с. 279–286; Островский 2010, с. 123–124, Островский 2011; с. 133–136; 2013, с. 123–124; Островский 2013⁶].

В 1860–1880-е гг. производство продуктов животноводства на душу населения продолжало сокращаться [Островский 2014, с. 52–56], производство сельскохозяйственных продуктов, хотя и медленно, стало увеличиваться [Нифонтов 1974]. Это дает основание предполагать, что сокращение прибавочного продукта на душу населения остановилось и до определенного момента он стабилизировался примерно на одном уровне. Поскольку на рубеже веков производство продуктов земледелия на душу населения колебалось примерно на одном уровне [Островский 2013^a, с. 215–227, 247–255], а производство продуктов животноводства продолжало сокращаться [Островский 2014, с. 56–60], можно утверждать, что в эти годы началось сокращение прибавочного продукта, что даже при прежней степени эксплуатации должно было повести к обострению борьбы за его распределение.

Еще до революции сложилось представление, будто бы главным инструментом эксплуатации крестьянства было помещичье землевладение. Однако конкретное представление о масштабах и динамике этой эксплуатации отсутствует. Наиболее изучена в этом отношении аренда земли. Тем не менее до сих пор мы не имеем обоснованных данных даже о площади арендуемых земель. В дореволюционной литературе фигурировала цифра 50 млн дес., полученная расчетным путем Н. Карышевым [Карышев 1892, с. VIII]. А. Анфимов счел необходимым сократить ее до 37 млн (из которых 5 млн дес. приходились на казну и удел, 32 млн – на частных владельцев) [Анфимов 1961, с. 13–14]. Однако и эти цифры вызывают сомнения.

В 1905 г. частновладельческий земельный фонд составлял 86 млн дес. [Статистика... 1907]. Если сделать поправку на лес и неудобные земли [Островский 2013^a, с. 64, 351], площадь частновладельческих сельскохозяйственных угодий составит примерно 30–40 млн дес. А поскольку крестьяне арендовали главным образом сельскохозяйственные угодья, получается, что в начале XX в. почти все они находились в аренде, что противоречит имеющимся на этот счет фактам [Предварительные... 1916]. В связи с этим возникает вопрос и об объеме арендных платежей, которые на 1907 г. Анфимов определял в 255 млн руб. [Анфимов 1964, с. 502].

К этому нужно добавить, что мы не знаем, какая часть арендных платежей вносилась деньгами, какая погашалась в виде отработок. Как отмечалось в одном дореволюционном издании: “Формально наем (земли. – А.О.) бывает денежный – каждой десятине назначается известная цена: на самом же деле крестьяне, не располагая деньгами, расплачиваются работой”. И далее: “Что в действительности означает погодная съемка земли крестьянами, заносимая условно в статистическую регистрацию как денежная, показывают записи, из которых видно, что всю означенную сумму арендной платы крестьяне часто обязуются отработать на полях” [Литский 1902, с. 105–107]. Отсутствует представление и по другим принципиально важным вопросам, например о соотношении отработок первого и второго вида, о распространении издольщины и т.д.

Кроме помещичьего землевладения, существовали и другие инструменты эксплуатации крестьянства. Тем более, что помещичьи крестьяне составляли всего 47% крестьян [Кабузан 1971, с. 177] и накануне отмены крепостного права преобладали только в 17 губерниях [Тройницкий 1861, с. 85]. В связи с этим специального изучения заслуживает тема государственной эксплуатации деревни. Согласно подсчетам Анфимова, в 1907 г. прямые и косвенные налоги, которые платили крестьяне, составляли 420 млн руб. [Анфимов 1964, с. 502], а всего накануне Первой мировой войны арендные и другие платежи достигали одного миллиарда рублей [Вайнштейн 1924; Анфимов 1964, с. 489–509].

Кроме того, существовали еще два инструмента эксплуатации крестьянства, которые, хотя и известны, но не пользуются вниманием исследователей. Это – торго-

вый и ростовщический капитал. Но может быть, они не играли существенной роли? Некоторое представление на этот счет дают “ножницы цен” на мировом и внутреннем рынках. В 1906–1908 гг. отечественные таможи оценивали русский экспорт в 1050 млн руб., а зарубежные в 1580, импорт, соответственно, в 855 и 735 млн. Только в результате этого Россия теряла на экспорте 530 и на импорте 120, а всего 650 млн руб. [Островский 2000, с. 201]. Для Европейской России это составит пропорционально численности населения 455 млн руб. А поскольку существовали “ножницы цен” и на внутреннем рынке, вряд ли будет преувеличением допустить, что только за этот счет деревня теряла еще не менее 50% указанной суммы, что дает в итоге около 700 млн руб.

К сожалению, почти все, что мы знаем о ростовщичестве в пореформенной деревне, ограничивается дореволюционными работами [Корнеев 2014]. Согласно экспертной оценке, требующей, правда, проверки, ежегодно деревня предъявляла спрос примерно на один миллиард руб. кредитов, что дает для территории Европейской России около 700 млн руб. [Соболев 1893, с. 265]. Разумеется, спрос на кредиты и его удовлетворение – это разные вещи. Нужно также учитывать, что в кредитах нуждались не только крестьяне. Поэтому есть основания думать, что на рубеже XIX–XX в. в данной сфере обращалось несколько сот миллионов рублей. Разумеется, это очень приблизительная прикидка, имеющая лишь экспертный характер. Однако, исходя из нее, можно предполагать, что торгово-ростовщический капитал тоже выкачивал из деревни не менее одного миллиарда рублей. Иначе говоря, он играл здесь не менее важную роль, чем помещичье землевладение и государство. Причем сокращение помещичьего землевладения можно рассматривать как косвенное отражение сокращения помещичьей эксплуатации, а рост товарности крестьянского хозяйства – как косвенное отражение *роста торгово-ростовщической эксплуатации*.

Каким был общий баланс эксплуатации крестьянства и какова была ее динамика в рассматриваемое время, мы пока не знаем. Попытку Миронова доказать, что на протяжении всего пореформенного периода произошло ослабление эксплуатации деревни, следует признать неудачной [Миронов 2010, с. 318–330; Островский 2010, с. 132–134; Островский 2011, с. 140–141]. Вероятнее всего, в пореформенную эпоху эксплуатация деревни *не снижалась, а в целом увеличивалась*. Основанием для такого предположения – динамика недоимок. В 1871–1880 гг. они составляли 37,7 млн руб., 27,4% к окладу, в 1881–1890 гг. – 51,1 млн руб. и 43,1%, в 1891–1900 гг. – 118,7 млн и 114,4% [Материалы... 1903, с. 252–291]. Мнение Миронова, будто бы недоимки свидетельствуют не о неспособности, а о *нежелании* крестьян платить налоги [Миронов 2010, с. 330–334.], не заслуживает внимания, так как в доказательство этой точки зрения он не привел никаких аргументов.

Проблема доходности сельскохозяйственного производства

Динамика изъятия прибавочного продукта – важный показатель, но не менее важным показателем является прибыль, остающаяся в распоряжении хозяйства. Между тем, хотя вопрос о доходности пореформенного сельскохозяйственного производства давно затрагивается отдельными авторами [Струмилин 1926, с. 351; Анфимов 1964, с. 174; Китанина 1978, с. 32–33; Ковальченко, Селунская, Литваков 1982, с. 114–116], на сегодняшний день фактически он остается открытым.

Поскольку пореформенная эпоха характеризовалась втягиванием аграрного сектора в товарные отношения, проблема доходности обычно рассматривается через призму его *товарности*. С 1920-х гг. в советскую литературу вошли расчеты В. Немчинова, освященные авторитетом И. Сталина и после этого приобретшие хрестоматийный характер. Согласно этим расчетам, на хлебном рынке дореволюционной России преобладали помещичьи и кулацкие хозяйства [Сталин 1949, с. 85; Немчинов 1945, с. 34].

В 1970-е гг. И. Ковальченко и Л. Милов сформулировали следующее принципиально важное положение: сначала происходило формирование единого мелкоovar-

ного рынка, затем на его основе – рынка капиталистического. В начале 1880-х гг. в России завершилось формирование мелкотоварного аграрного рынка, но аграрный капиталистический рынок в России к 1917 г. не сложился. В первом случае на рынке доминировали и определяли уровень цен мелкотоварные хозяйства, во втором – хозяйства капиталистические, основанные на использовании наемной рабочей силы [Ковальченко, Милов 1974].

Тем самым Ковальченко и Милов по существу поставили под сомнение расчеты Немчинова: попытка проверить их на основании материалов земской статистики показала, что они не соответствуют действительности. На рубеже XIX–XX вв. большая часть товарного хлеба Европейской России поступала из бедняцких и средних хозяйств. Причем даже на юге частновладельческие и крестьянские хозяйства предпринимательского типа не играли на хлебном рынке главной роли [Островский 2013^а, с. 288–308].

Поскольку на аграрном рынке доминировали мелкотоварные хозяйства, именно они определяли уровень цен на продукты сельского хозяйства в целом. Обычно для характеристики их доходности используют материалы специального правительственного обследования 1912–1914 гг. о стоимости производства главнейших хлебов, согласно которым доходность зернового производства Европейской России колебалась в пределах от 47% (овес и рожь) до 61% (ячмень) и 72% (пшеница) [Стоимость... 1915–1916]. И это в то время, как доходность обрабатывающей промышленности не превышала 15–20% [Варзар 1911, с. 484–486].

Между тем объектом этого обследования были наиболее рационально организованные помещичьи и крестьянские хозяйства, в которых сборы зерна значительно превышали средний уровень, а издержки производства были ниже среднего уровня. В действительности же накануне Первой мировой войны для большинства крестьян Европейской России и зерновое производство, и животноводство с капиталистической точки зрения являлись *убыточными* [Островский 2013^а, с. 288–305, 309–341; Островский 2014, с. 356–382].

Для понимания этого следует учитывать, что в вопросе о доходности между мелкотоварным и капиталистическим производством существовала и существует принципиальная разница. Для мелкотоварного производства характерно то, что в его доход входит не только прибавочная стоимость, но и переменный капитал, так как мелкий производитель, выступая одновременно в ролях и хозяина, и работника, сам себе выплачивает заработную плату. Доход капиталистического хозяйства составляет только прибавочная стоимость. В результате мелкотоварное производство будет оставаться доходным даже в том случае, если производитель не только не получает прибавочной стоимости, но и до предела урезает выплачиваемую самому себе заработную плату. “Здесь, – писал К.Маркс, – одна из причин того, что в странах с преобладанием parcelлярной собственности цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства. Часть прибавочного труда крестьян, работающих при самых неблагоприятных условиях, предоставляется обществу даром...” [Маркс 1962, т. 25, ч. 2, с. 371]. В таких условиях получение капиталистической прибыли было возможно при трех условиях: а) там, где осуществлялось получение дифференциальной ренты; б) на основе кабальной аренды; в) на основе кабального найма.

Какова была динамика доходности дореволюционного сельского хозяйства? Этот вопрос заслуживает специального исследования. Пока можно обратить внимание на два факта. Первое. Имеются выборочные земские данные, которые свидетельствуют, что на рубеже XIX–XX в. роль деревенской бедноты и средних крестьянских хозяйств на хлебном рынке, рынке скота и продуктов животноводства не сокращалась, а возрастала [Островский 2013^а, с. 306–308]. А поскольку их товарность во многом имела вынужденный характер, это должно было иметь следствием снижение капиталистической доходности сельскохозяйственного производства. Второе. Если взять динамику цен на землю и динамику стоимости урожая с одной десятины, окажется, что за пореформенные годы отношение стоимости урожая к цене земли сократилось с 90%

в 1860-е гг. до 30% в 1910-е гг., то есть в три раза [Островский 2013^а, с. 342–343]. Снижение доходности сельского хозяйства означало также сокращение возможностей его интенсификации.

К вопросу о социальной дифференциации крестьянства

На пути интенсификации существовало еще одно препятствие. Исчерпание резерва свободных земель и складывание диспропорции между темпами роста численности населения и темпами освоения новых земель имело своим следствием: а) сужение земельной базы крестьянского хозяйства и возникновение того, что получило название малоземелья; б) нарушение соответствия между количеством обрабатываемых земель и имеющихся для этого рабочих рук, что вело к появлению и распространению в деревне так называемого аграрного перенаселения. Рост аграрного перенаселения, обострение малоземелья и усиление эксплуатации приводили к разрушению крестьянского хозяйства. Если народники на основании этого делали вывод о деградации деревни, то марксисты считали, что в результате гибели крестьянства в России происходило мучительное рождение двух новых классов: пролетариата и буржуазии, а поэтому связывали ближайшее будущее российской деревни с формированием сельской буржуазии.

И хотя оба процесса были бесспорным фактом, первые повторные земские переписи и повторные военно-конские переписи, подтвердив факт повсеместной пролетаризации крестьянства, обнаружили процесс формирования сельскохозяйственной буржуазии только на локальном уровне, но не выявили его на уровне всей Европейской России. Более того, в границах Европейской России они зафиксировали *сокращение количества и доли зажиточных крестьянских хозяйств и хозяйств предпринимательского типа*. В 1888–1891 гг. крестьянские хозяйства, имевшие 4–5 лошадей, составляли 8%, в 1912 г. – 4,8%, многолошадные хозяйства, – соответственно, 3,4% и 1,8%. Происходило сокращение и количества имевшегося у них рабочего скота. В первой группе с 20,8 до 15,2%, во второй с 16,7 до 11,2% [Островский 2013^а, с. 342–343]. Между тем именно эти хозяйства являлись носителями агротехнического и зоотехнического прогресса. Только они были способны к механизации сельскохозяйственного производства.

Одновременно имело место *разрушение помещичьего хозяйства*. За полвека после отмены крепостного права помещное дворянство потеряло половину своих земель, в результате чего дворянское сословие из земельного сословия превратилось в безземельное [Жорелин 1979, с. 67; Симонова 1982, с. 161–164]. Правда, в советской литературе была высказана точка зрения, что в данном случае гибли *отсталые* помещичьи хозяйства и возрастала роль хозяйств *передовых*. “...Накануне Октябрьской социалистической революции, – читаем мы в монографии, подготовленной под руководством Ковальченко, – во внутреннем социально-экономическом строе помещичьего хозяйства Европейской России *повсеместно господствовали капиталистические отношения*... Отрабочная система помещичьего хозяйства как самостоятельная форма его организации полностью себя изжила” [Ковальченко, Селунская, Литваков 1982, с. 217]. Однако авторами была допущена ошибка в расчетах, в результате чего занижена доля земель, сдаваемых в аренду. Поправка только на это *перечеркивает* приведенный вывод.

«...Владельческие хозяйства, – писал в 1911 г. А. Кауфман, – имеющие серьезное культурно-хозяйственное значение, обнимают ничтожную часть общей площади владельческой земли – миллионы десятин против десятков миллионов “крепостнического” или “феодалного” землевладения и кабально-арендного или отработочного хозяйства» [Кауфман 1911, с. 5–6]. Таким образом, можно констатировать, что вплоть до начала XX в. капитал играл в деревне главным образом *разрушительную роль*, уничтожая два основных сословия феодального общества – крестьянство и помещное

дворянство – и создавая в деревне лишь *островки* нового, капиталистически организованного хозяйства.

В результате, в связи с исчерпанием возможностей дальнейшего экстенсивного развития происходили, с одной стороны, обострение потребности в интенсификации сельскохозяйственного производства, с другой – и сокращение численности наиболее состоятельных крестьянских хозяйств, и уменьшение производственного потенциала помещичьих имений, и усиление эксплуатации крестьянства, и снижение доходности сельского хозяйства, что означало *сужение возможностей его интенсификации*. В таких условиях в деревне обострялись социальные противоречия, складывалась взрывоопасная ситуация, что признавалось даже в правящих верхах [Объяснительная... 1910, л. 84].

Можно сколько угодно гадать на тему, что было бы, если бы не началась Первая мировая война. Несомненно одно. Если аграрная эволюция пореформенной России вела к складыванию возможностей революционного взрыва, война сделала его неизбежным.

Проблемы “полураспада” крестьянского хозяйства и роль общины

Усилия советских историков были направлены главным образом на выявление капиталистических отношений внутри крестьянства, а эти отношения обычно сводились к отношениям продажи и найма рабочей силы. А как функционировали хозяйства, затронутые разрушением, но еще не разрушившиеся? Начавшие перестраиваться на капиталистические рельсы, но еще не перестроившиеся? Иначе говоря, что происходило в деревне в условиях “полураспада” крестьянского хозяйства?

Крестьянское хозяйство – простейший производственный коллектив, который может существовать только при наличии необходимых средств производства – земли, орудий труда, рабочего и продуктивного скота, транспорта, построек (изба, хлев, сарай, овин или рига, амбар, баня). Причем все эти средства производства должны были находиться в определенном соотношении. Нарушение нормального воспроизводства этих компонентов крестьянского хозяйства вело к тому, что на протяжении длительного времени в затронутом им хозяйстве сначала происходило, если можно так сказать, *разбалансирование* между отдельными элементами, затем утрата некоторых из них – и только затем полное его разрушение. Как же крестьяне восполняли недостаток или же отсутствие необходимых средств производства?

Один способ хорошо известен. Это аренда. Причем крестьяне арендовали не только землю, что давно привлекает внимание исследователей, но и скот, транспортные средства, производственные постройки, что до сих пор почти полностью остается вне поля их зрения [Анфимов 1980, с. 136–146]. Другой способ – *простая кооперация*. Это и супряга, и толока, и помочи, и совместное возведение построек, и земельные артели [Громыко 1986, с. 32–70; Островский 1987; с. 77–81; Власова 1992, с. 34–36; Власова 1995]. Подобные явления в советской литературе почти не рассматривались. А когда в 1980 г. на воронежском аграрном симпозиуме мною была сделана попытка привлечь к ним внимание, я был обвинен в *реанимации народничества*, и текст моего выступления опубликован не был.

Явно недостаточно изучалась в советское время и такая форма простой кооперации, как община. В связи с этим сложилось одностороннее представление, в соответствии с которым общинные отношения до сих пор сводятся главным образом к переделам. Игнорируется или недооценивается то, что община не могла существовать без *системы открытых полей и так называемого принудительного севооборота*.

Пока земель было много и преобладала малодворная деревня, каждый крестьянин пас скот сам. Исчерпание резерва свободных земель привело к появлению общинного выгона и коллективного выпаса скота. Со временем выгонов и сенокосов становится недостаточно из-за их распахки. Тогда скот пускают на пар и жнивье. Для этого на время выпаса убирают изгороди, отделяющие одну полосу от другой. Так складывает-

ся система открытых полей. Однако чтобы можно было все поле, состоящее из отдельных полос, использовать под общий выгон, со всех полос необходимо одновременно убрать урожай. Но для этого поле необходимо было одновременно вспахать и засеять, причем все должны были засеять свои полосы одной культурой. Так появляется принудительный севооборот [Посников 1878, с. 13–24; Блок 1957, с. 79–96; Неусыхин 1964, с. 98–106]. В результате община берет на себя регулирование не только земельных отношений, но и хозяйственной деятельности крестьян.

Еще К. Качоровский обратил внимание на то, что зарождение уравнильно-передельческой общины происходило в условиях перехода от переложно-залежной системы к трехполью [Качоровский 1900, с. 143–145]. По всей видимости, правильнее будет сказать, что уравнильно-передельческая община зарождается в условиях кризиса переложно-залежной системы. В чем смысл этого уточнения? В том, что кризис переложно-залежной системы возникает, когда исчерпаны резервы свободных земель. Первоначально это ведет к сокращению времени отдыха забрасываемых земель, увеличению доли площади посева в площади пашни. В результате переделы могут возникать уже на стадии регулируемого перелога, *при трехполье они становятся правилом*.

А поскольку считается, что трехполье в России стало господствующей системой уже в XVI в., существует мнение, что именно к тому времени относится появление передельческой общины [Чернышев 1918, с. VII; Александров 1976, с. 182; Павлов-Сильванский 1988, с. 233–263; Дмитриева 2003, с. 209–210], которая в пореформенной России не только превратилась в анахронизм, но и оказалась на стадии разрушения [Дубровский 1967, с. 520–533, Ковальченко 1970, с. 51; Зырянов 1992, с. 3, 172–173, 176–177, 253; Анфимов 1997, с. 46.]. Если же исходить из того, что уравнильно-передельческая община зарождается в условиях кризиса экстенсивного земледелия, и учесть, что в России переход к трехполью не завершился даже к началу XX в., следует признать: на разных территориях состояние общины было неодинаковым. По мнению Качоровского, в начале XX в. на территории России с востока на запад можно было проследить *путь общины от зарождения до исчезновения* [Качоровский 1900, с. 88–89].

Сделанная мной попытка проверить эту точку зрения показывает, что в трех прибалтийских губерниях передельческой общины уже не было, в девяти западных преобладало подворное землевладение, в 14 северных община хотя и была уже во многих местах затронута разрушением, но и еще сохраняла свою прочность, в большинстве из 15 центральных губерний община находилась в расцвете, а в некоторых уездах еще продолжала формироваться, в 9 южных губерниях наблюдались разные стадии складывания уравнильно-передельческой общины [Скребицкий 1865/66; Материалы... 1880; В.В. 1892; Семенов 1904]. Это значит, что к началу XX в. на большей территории Европейской России общинно-передельческие настроения находились в расцвете или *еще только набирали силу*.

А поскольку община означала не только переделы, но и регулирование земледельческого и животноводческого производства (система открытых полей, принудительный севооборот), как до, так и после отмены крепостного права во многих губерниях происходило *усиление роли общины* в экономической жизни деревни. Факт, который хорошо был известен до революции и *напрочь забыт* в советское время. Причем некоторые из этих черт (например, принудительный севооборот и система открытых полей) сохраняло и подворное землевладение. Если добавить и произошедшую в 1861–1866 гг. передачу общине некоторых полномочий, которые до этого принадлежали помещикам, уделу и казне, а также учесть существование волостного суда, роль общины в жизни деревни представится еще более значительной.

Не случайно в начале XX в. поднимался вопрос о необходимости превращения общины из земельного союза в хозяйственный. Обычно эти стремления связываются с народниками, а народничество рассматривается как отживающее социальное явление. Между тем о необходимости встать на путь создания в деревне коллективных форм ведения хозяйства в 1913 г. высказался Первый всероссийский сельскохозяйственный съезд [Труды... 1914, с. 47–69.]. В 1915 г. подобную же идею выдвинул Совет съезда

представителей промышленности и торговли. Подчеркивая, что “в течение десяти лет Россия должна или удвоить, утроить свой хозяйственный оборот или обанкротиться”, Совет прежде всего обратил внимание на необходимость форсированной интенсификации сельского хозяйства. Ставились две задачи: повышение плодородия земли за счет использования неорганических удобрений и повышение производительности труда за счет внедрения машинной техники [Доклад... 1915, с. 7, 18, 20, 22].

При этом Совет съезда представителей промышленности и торговли вынужден был констатировать, что существующее крестьянское хозяйство не способно самостоятельно справиться с решением этих задач. В связи с этим в докладе Совета съезда говорилось: “Если недостаток животной рабочей силы должен служить препятствием к распространению в крестьянском хозяйстве простого плуга, тем труднее может проникнуть в него какая-нибудь жнейка-сноповязалка, косилка и пр. Прежде всего ей негде повернуться на обыкновенной мужицкой полосе; но если бы на пути распространения сельскохозяйственной машины и не стояло последнего препятствия, машина прежде всего дорога, еще и затем требует и умения с ней обращаться”. Но “и дорога машина, и минеральные удобрения, и сильная лошадь, и кредит – все это недоступное или малодоступное одному, становится доступным многим”. Отсюда делался вывод: “Русское сельское хозяйство может подняться *только на плечах кооперации*” [Доклад... 1915, с. 7, 18, 20, 22]. В данном случае имелась в виду не только потребительская и сбытовая, но и производственная кооперация.

В первых числах марта 1917 г. Земский союз, Союз кооператоров и Московское общество сельского хозяйства опубликовали доклад “Неотложные мероприятия по земледелию в связи с народным продовольствием в 1917 г.”. В нем говорилось, что объективные условия “толкают Европу и Россию на путь национализации и кооперативизации сельскохозяйственного производства” и что “таковая, вероятно, осуществится в ближайшем будущем” [Неотложные... 1917, с. 10–14]. Воплощением этой программы стало развитие теории и практики кооперативного движения в СССР в 1920–1930-е гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров В.А. (1976) Сельская община в России (XVII–начало XIX в.). М.: Наука.
- Анфимов А.М. (1961) Земельная аренда в России в начале XX в. М.: Наука.
- Анфимов А.М. (1980) Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904 гг. М.: Наука.
- Анфимов А.М. (1964) Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск: Академия наук БССР. С. 489–509.
- Анфимов А.М. (1997) Неоконченный спор // Вопросы истории. № 5, 6. С. 112–121.
- Блок М. (1957) Характерные черты французской аграрной истории. М.: Издательство иностранной литературы.
- Вайнштейн А.Л. (1924) Обложение и платежи крестьянства в довоенной России и после революции. М.: Издательство “Экономист”.
- Варзар В.Е. (1911) Обрабатывающая фабрично-заводская промышленность империи к началу 1909 г. // Вестник финансов, промышленности и торговли. № 50. С. 484–486.
- Власова И.В. (1992). Коллективные формы труда в крестьянском хозяйстве // Крестьянское хозяйство: история и современность. Вологда, октябрь 1992. Ч. 1. Вологда: ВГПИ 1992. С. 34–36.
- Власова И.В. (1995) Коллективные формы труда в крестьянских хозяйствах // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. М.: МГПУ.
- В.В. (Воронцов В.П.) (1892) Крестьянская община. Общий обзор земской статистики крестьянского хозяйства. М.: Типография А. Мамонтова.
- Воскресенская Н.О. (1980) Динамика и структура производительных сил в зерновом производстве Европейской России конца XIX–начала XX в. Опыт количественного анализа. Автореф. дисс... к.и.н. М.: Издательство МГУ.
- Громыко М.М. (1986) Традиционные нормы поведения и формы общения крестьян в XIX в. М.: Наука.

Дмитриева З.В. (2003) Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря в XVI–XVII вв. СПб.: Издательство Д. Буланина.

Доклад Совета съездов о мерах к развитию производительных сил России (1915). Пг.: Совет съездов представителей промышленности и торговли.

Дружинин Н.М. (1978) Русская деревня на переломе. 1961–1881. М.: Наука.

Дубровский С.М. (1967) К вопросу об общине в России в начале XX в. // Ежегодник аграрной истории Восточной Европы. 1960. Киев: Академия наук УССР. С. 520–533.

Зырянов П.Н. (1992) Крестьянская община европейской России, 1907–1914 гг. М.: Наука.

Кабузан В.М. (1971) Изменения в размещении населения России в XVIII–первой половине XIX в. По материалам ревизий. М.: Наука

Карышев Н.А. (1892) Крестьянские внеадельные аренды. Дерпт: Типография Г. Лакмана.

Качоровский К.Р. (1900) Русская община. Возможно ли, желательно ли ее сохранение и развитие? Опыт цифрового и фактического исследования. Т. 1. СПб.: Народная польза.

Кауфман А.А. (1911) Современное народничество и аграрная эволюция // Русская мысль. № 5. Отд. II. С. 1–21.

Китанина Т.М. (1978) Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л.: Наука.

Ковальченко И.Д. (1970) В.И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России // Вопросы истории. № 3. С. 30–51.

Ковальченко И.Д. (1959) Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX века // История СССР. № 1. С. 53–86.

Ковальченко И.Д. (1960) К истории скотоводства в России в первой половине XIX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. IV. М.: Наука. 1960. С. 173–204.

Ковальченко И.Д., Милов Л.В. (1974) Всероссийский аграрный рынок. XVIII–начало XX в. Опыт количественного анализа. М.: Наука.

Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. (1982) Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения. М.: Наука.

Корелин А.П. (1979) Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. М.: Наука.

Корнев В.В. (2014) Феномен кулачества в дореволюционной России: Опыт историко-художественной реконструкции понятия. М.: URSS.

Крестьяноведение. Теория. История. Современность (2014). Вып. 9. М.: Дело.

Крохалев С.Ф. (1960) О системах земледелия. Исторический очерк. М.: Сельхозгиз.

Липский. (1902) Цены на рабочие руки при заблаговременном найме на сельскохозяйственные работы. СПб.: Издательство А. Новикова.

Маркс К. (1962) Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. М.: Политиздат.

Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России (1903) Ч. 1. СПб.: Типография П.П. Сойкина.

Материалы для изучения современного положения землевладения и сельскохозяйственной промышленности в России (1880). Вып. I. СПб., Министерство государственных имуществ.

Миронов Б.Н. (2010) Благосостояние населения и революции в императорской России. М.: Новый хронограф.

Немчинов В.С. (1945) Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории. М.: Сельхозгиз.

Неотложные мероприятия по земледелию в связи с народным продовольствием в 1917 г. (1917) // Вестник сельского хозяйства. М.: № 3. С. 10–14.

Неусыхин А.И. (1964) Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII–XII вв. М.: Наука.

Нифонтов А.С. (1974) Зерновое производство России во второй половине XIX в. По материалам ежегодной статистики урожаяев Европейской России. М.: Наука.

Объяснительная записка к проектам “Учреждения Министерства земледелия” и “Положения о местных установлениях Министерства земледелия” (1910) // Российский государственный исторический архив. Ф. 1276, оп. 6, 1910, д. 376.

Огановский Н.П. (1911) Закономерности аграрной эволюции. Ч. 2. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов: Сотрудничество.

Островский А.В. (2013^a) Зерновое производство Европейской России в конце XIX–начале XX в. СПб.: ООО Полтораки.

- Островский А.В. (2014) Животноводство Европейской России в конце XIX–начале XX в. СПб.: ООО Полтораки.
- Островский А.В. (2011) К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Вопросы истории. № 6. С.129–144.
- Островский А.В. (2013⁶) Книга Б.Н. Миронова “Страсти по революции” как “образец” научной критики // Вестник Тверского государственного университета. № 16. Серия “История”. Вып. 2. С.110–146.
- Островский А.В. (2010) О модернизации России в книге Б.Н. Миронова // Вопросы истории. 2010. № 10. С.119–140.
- Островский А.В. (2000) Универсальный справочник по истории России. СПб.: Паритет.
- Островский А.В. (1987) Царизм и проблема сельскохозяйственных артелей в конце XIX–начале XX в. // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград: Калининградский государственный университет. С. 77–81.
- Павлов-Сильванский Н.П. (1988) Феодализм в России. М.: Наука.
- Посников А.С. (1878) Общинное землевладение. Вып. 2. Одесса: Библиотека А. Бортневского.
- Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. (1916) Вып. I. Пг.: Управление делами Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу.
- Семенов Д.П. (1904) Статистический очерк крестьянского землевладения и землепользования в Европейской России. СПб.: Министерство внутренних дел.
- Симонова М.С. (1982) К изучению процесса формирования буржуазной земельной собственности в Европейской России (1862–1914 гг.) // Проблемы исторической географии России. Вып. II. Формирование экономических районов России. М.: Наука. С.144–170.
- Скребицкий А.И. (1865/66) Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян. Губернские комитеты, их депутаты и Редакционные комиссии в крестьянском деле. Т. 3. Бонн-на-Рейне: Типография Ф. Крюгера.
- Слободин В.М. (1952) История систем земледелия на территории СССР до Октябрьской революции. Автореф. дисс... д.э.н. Свердловск: Институт экономики АН СССР.
- Слободин В.М. (1971) О кризисе трехполья в России в XIX в. // Ежегодник аграрной истории Восточной Европы. 1966. Таллин: Академия наук ЭССР. С. 280–287.
- Соболев М. (1893) Сельский ростовщический кредит в России по данным земско-статистической литературы // Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 1. СПб.: Московский университет. С. 235–267.
- Сталин И.В. (1949) На хлебном фронте // Сталин И.В. Собр. соч. Т. 11. М.: Госполитиздат. С. 81–97.
- Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России (1907). СПб.: ЦСК МВД.
- Стоимость производства главнейших хлебов Вып. I–II. (1915–1916). Пг.: Министерство земледелия.
- Струмилин С.Г. (1926) Условия производства хлебов в СССР // Плановое хозяйство. № 2. С. 341–359.
- Тройницкий А. (1861) Крепостное население в России по 10-й народной переписи. СПб.: ЦСК МВД.
- Труды I Всероссийского сельскохозяйственного съезда в Киеве 1–10 сентября 1913 г. (1914) Вып. II. Журналы общих собраний съезда, заседания секции общественной агрономии и доклады секции. Киев: Общество сельского хозяйства.
- Чернышев И.В. (1918) Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. М.: Вольное экономическое общество.
- Шапиро А.Л. (1959) Выступление в прениях // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1958 г. Таллин: Академия наук ЭССР. С. 220–221.
- Шапиро А.Л. (1977) Проблемы социально-экономической истории Руси в XIV–XVI вв. Л.: Издательство ЛГУ.
- Яцунский В.К. (1961) Изменения в размещении земледелия европейской России с конца XVIII в. до Первой мировой войны // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М.: Наука. С. 113–148.

Debatable problems of agrarian evolution of post-reform European Russia

OSTROVSKY A.*

* **Ostrovsky Alexander** – doctor of historical sciences, acting professor of Department of History and Regional Studies of St. Petersburg State University of Telecommunications of the prof. M.A. Bonch-Bruevitch. address: 22, hous. 1, Bolshhevikov av., Sankt-Petersburg, 193232, Russian Federation. E-mail: rector@sut.ru.

Abstract

The article shows that by the end of the 19th century the European part of Russia on one hand had no further potential for the extensive development of its agriculture, and on the other hand opportunities for the intensive growth of this sector were shrinking, which created the environment of higher social tension.

Keywords: agriculture, exploitation, profitability, social differentiation, peasant community, agrarian history of Russia.

REFERENCES

Alexandrov V.A. (1976) *Sel'skaya obschina v Rossii (XVII–nachalo XIX v.)*. [Peasant Community in Russia (17–early 19 century)]. Moscow: Nauka.

Anfimov A.M. (1961) *Zemel'naya arenda v Rossii v nachale XX v.* [Land Rent in Russia in the Beginning of 20th century]. Moscow: Nauka.

Anfimov A.M. (1980) *Krestyanskoye hozyaistvo Evropeiskoj Rossii. 1881–1904 gg.* [Peasant Economy of the European Russia. 1881–1904]. Moscow: Nauka.

Anfimov A.M. (1964) Nalogi i zemelnye platezhi krestyan Evropeiskoj Rossii v nachale XX v. [Taxes and Land Duties (Payments) for Peasants in the European Russia in the 20th century] // *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*. [Year-book on Agrarian History of Eastern Europe], 1962. Minsk: Akademija nauk BSSR, pp. 489–509.

Anfimov A.M. (1997) Neokonchennyj spor [Unfinished Debate] // *Voprosy istorii*, no. 6, pp. 112–121.

Blok M. (1957) *Harakternyje cherty frantsuzskoj agrarnoj istorii* [Typical Features of the French Agricultural History], Moscow: Izdatelstwo inostrannoj literaturi.

Chernyshev I.V. *Agrarno-krestyanskaya politika Rossii za 150 let* [Agriclutlural and Peasantry Policy in Russia for 150 years]. Moscow, 1918.

Dmitrieva Z.V. (2003) *Vytnye i opisnye knigi Kirillo-Belozerskogo monastyrja v XVI–XVII vv.* [Vytnye and Opisnye Books of the Kirillo-Belozersky Monestery in the 16–17the centuries.]. Sankt-Peterburg: D. Bulanina.

Doklad Soveta sjezdov o merah k razvitiju proizvoditelnyh sil Rossii (1915) [Report of the Council of Congresses on Measures for the Development of Production forces of Russia], Petrograd: Sovet sjezdov predstavitelej promishlennosti i trgovli.

Druzhinin N.M. (1978) *Russkaya derevnya na perelome. 1961–1881* [Russian Village on the Edge 1961–1881]. Moscow: Nauka.

Dubrovskij S.M. (1967) K voprosu ob obschine v Rossii v nachale XX v. [On the Issue of Peasant Community in Russia in early 20th century]. *Ezhegodnik agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy. 1960* [Year-book on Agrarian History of Eastern Europe. 1960]. Kiev: Akademija nauk USSR, pp. 520–533.

Gromyko M.M. (1986) *Traditsionnyje normy povedeniya i formy obscheniya krestyan v XIX v.* [Traditional Standards of Behavior and Communication Forms of Peasants in the 19th century]. Moscow: Nauka.

- Kabuzan V.M. (1971) *Izmeneniya v razmeschenii naseleniya Rossii v XVIII–pervoj polovine XIX v. Po materialam revizij* [Changes in the Residence of the Population in Russia in 18 and first half of 19 century. According to the Inspection Materials]. Moscow: Nauka.
- Kachorovskij K.R. (1900) *Russkaya obschina. Vozmozhno li, zhelztelno li ejo sohraneniye i razvitiye? Opyt tsifrovogo i facticheskogo issledovaniya* [Russian Peasant Community. Is it possible or desirable to keep or develop it? An Attempt of Study in Numbers and Facts], vol. 1, Sankt-Petersburg: Narodnaja polza.
- Karyshev N.A. (1892) *Krestyanskiye vnenadelnye arendy* [Peasant's Rents Extra to Land Allotment]. Derpt: G. Lakman.
- Kaufman A.A. (1911) *Sovremennoye narodnichestvo i agrarnaya revolyutsiya* [Modern Narodnik Movement and Agricultural Revolution], *Russkaya musl'*, no. 5, part II, pp. 1–21.
- Kitanina T.M. (1978) *Hlebnaya trgovlya Rossii v 1875–1914 gg.* [Bred-grain Trade of Russia in 1875–1914.], Leningrad: Nauka.
- Korelin A.P. (1979) *Dvoryanstvo v poreformennoj Rossii. 1861–1904* [Nobility in Russia after Reforms. 1861–1904.]. Moscow: Nauka.
- Korneev V.V. (2014) *Fenomen kulachestva v dorevolucionnoj Rossii: opyt istoriko-hudozhestvannoj rekonstruktsii ponyatiya* [Phenomenon of the Kulaks in pre-revolution Russia: an Attempt of Historical and Art Reconstruction of the Notion]. Moscow: URSS.
- Kovalchenko I.D. (1959) *Dinamika urovnya zemledelcheskogo proizvodstva Rossii v pervoj polovine XIX veka* [Dynamics of the Level of the Agricultural Production of Russia in the first half of XIX century]. *Istorija SSSR*, no. 1, pp. 53–86.
- Kovalchenko I.D. (1960) *K istorii skotovodstva v Rossii v pervoj polovine XIX veka* [To the History of Cattle-breeding in Russia in the first half of XIX century]. *Materialy po istorii selskogo hozyajstva i krestyanstva SSSR* [Materials on History of the Peasantry and Agriculture of the USSR], Book IV. Moscow: Nauka. pp. 173–204.
- Kovalchenko I.D. (1970) *V.I.Lenin o haraktere agrarnogo stroya kapitalisticheskoy Rossii* [V.I.Lenin on the Character of the Agricultural System of Capitalist Russia]. *Voprosy istorii*, no. 3, pp. 30–51.
- Kovalchenko I.D., Milov L.V. (1974) *Vserossijskij agrarnyj rynek. XVIII–nachalo XX v. Opyt kolichestvennogo analiza* [All-Russia Agricultural Market. XVIII–beginning of XX cent. An Attempt of Quantitative Analysis.]. Moscow: Nauka.
- Kovalchenko I.D., Selunskaya N.B., Litvakov B.M. (1982) *Sotsialno-ekonomicheskij stroy pomeshchijego hozyajstva Evropejskoj Rossii v epohu kapitalizma. Istochniki i metody izucheniya* [Social and Economic Structure of the Landowner Economy in European Russia in the Capitalism Era. Sources and Methods of Study]. Moscow: Nauka.
- Krohalev S.F. (1960) *O sistemah zemledeliya. Istoricheskij ocherk* [On the Systems of Agriculture. Historical Essay]. Moscow: Selhozgiz.
- Lipskij (1902) *Tseny na rabochije ruki pri zablagovremennom naime na selskohozyajstvennyje raboty* [Prices on Labour Force of Advance Hiring for Agricultural Work]. Sankt-Petersburg: A. Novikov.
- Marx K. *Capital* (1962) // Marx K., Engels F. *Collected Works*, vol. 25, part 2, Moscow: Politizdat.
- Materialy dlya izucheniya sovremennogo polozheniya zemlevladieniya i selskohozyajstvennoj promyshlennosht v Rossii* (1880) [Materials for the Study of Modern Status of Land Ownership and Agricultural Production in Russia]. Issue I, Sankt-Petersburg: MGI.
- Materialy vysochaishe uchrezhdennoj 16 nojzbrya 1901 g. Komissii po issledovaniju voprosa o dvizhenii s 1861 po 1900 g. blagosostoyaniya selskogo naselenija srednezemledelcheskih gubernij sravnitelno s drugimi mestnostyami Evropejskoj Rossii* (1903) [Materials of the Highly Established on 16 November 1901 Commission on the Study of the Issue of the Change from 1861 till 1900 in the Wealth of Village Population of the Middle Agricultural Provinces as Compared to other Provinces of European Russia]. Part 1, Sankt-Petersburg: P.P. Sojkin.
- Mironov B.N. (2010) *Blagosostoyaniye naseleniya i revolyutsii v imperatorskoj Rossii* [Welfare of Population and Revolutions in the Imperial Russia]. Moscow: Novij hronograf.
- Nemchinov V.S. (1945) *Selskohozyajstvennaya statistika s osnovami obschej teorii* [Agricultural Statistics with the Basics of General Theory]. Moscow: Selhozgiz.
- Neotlozhnyje meropriyatija po zemledeliju v svyazi s narodnym prodovolstviem v 1917 (1917) [Immediate Measures in Agriculture in Connection with National food-stuff in 1917]. *Vestnik selskogo hozyajstva*, Moscow, no. 3, pp. 10–14.
- Neusyhin A.I. (1964) *Sud'by svobodnogo krestyanstva v Germanii v VIII–XII vv.* [The Fortunes of Peasantry in Germany in VIII–XII Centuries]. Moscow: Nauka.

Nifontov A.S. (1974) *Zernovoje proizvodstvo Rossii vo vtoroj polovine XIX v. Po materialam ezhegodnoj statistiki urozhajev Evropejskoj Rossii* [Bread-grain Production of Russia in the Second half of XIX cent. According to the Materials of Annual Harvest Statistics of European Russia]. Moscow: Nauka.

Objasnitelnaya zapiska k projektam "Uchrezhdenija Ministerstva zemledelija" i "Polozhenija o mestnyh ustanovlenijah Ministerstva zemledelija" [Explanatory Note to the Drafts Establishment of the Agriculture Ministry and Regulations on Local Statutes of the Agriculture Ministry]. *Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv* [Russian State Historical Archive], Fund 1276, inventory 6, 1910, file 376.

Oganovskij N.P. (1911) *Zakonomernosti agrarnoj evolutsii. Part 2. Očerki po istorii zemelnyh otnoshenij v Rossii* [Regularity of Agriculture evolution. Part 2. Essays on the History of Land Relations in Russia]. Saratov: Sotrudnichestvo.

Ostrovsky A.V. (2011) *K itogam spora ob urovne zhizni v dorevolutsionnoj Rossii* [To the Results of Dispute Regarding the Level of Living in Prerevolutionary Russia]. *Voprosy Istorii*. 2011, no. 6, pp. 129–144.

Ostrovsky A.V. (2013⁶) *Kniga B.N. Mironova "Strasti po revolutsii" kak "obrazets" nauchnoj kritiki* [Book by B.N. Mironov Passions on Revolution as an 'example' of Academic Criticism]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 16. Series History, Issue 2, pp. 110–146.

Ostrovsky A.V. (2010) *O modernizatsii Rossii v knige B.N. Mironova* [On modernization of Russia in the book by B.N. Mironov]. *Voprosy istorii*, no. 10, pp. 119–140.

Ostrovsky A.V. (1987) *Tzarizm i problema zemledelcheskih artelei v kontse XIX–nachale XX v.* [Tzarism and the Problem of Agriculture Artels in late XIX and early XX cent.]. *Severo-Zapad v agrarnoj istorii Rossii*, Kaliningrad: KGU, pp. 77–81.

Ostrovsky A.V. (2000) *Universalnyj spravochnik po istorii Rossii* [Universal Guide book on the History of Russia] Sankt-Petersburg: Paritet.

Ostrovsky A.V. (2014) *Zhivotnovodstvo Evropejskoj Rossii v kontse XIX–nachale XX v.* [Cattle Breeding of European Russia in late XIX and early XX Century]. Sankt-Petersburg: Poltorak.

Ostrovskij A.V. (2013^b) *Zernovoje proizvodstvo Evropejskoj Rossii v knozhe XIX–nachale XX v.* [Grain Production in European Russia in late XIX and early XX cent.]. Sankt-Petersburg: Poltorak.

Pavlov-Silvansky N.P. (1988) *Feodalizm v Rossii* [Feudalism in Russia]. Moscow: Nauka.

Posnikov A.S. (1878) *Obschinnoye zemlevladienje* [Community Land Ownership], iss. 2, Odessa: A. Bortnevsky.

Predvaritelnye itogi Vserossijskoj selskohozyajstvennoj perepisi 1916. [Preliminary Results of the All-Russia Agricultural Census of 1916]. Issue I, Petrograd, 1916.

Semenov D.P. (1904) *Statisticheskij ocherk krestyanskogo zemlevladieniya i zemlepolzovaniya v Evropejskoj Rossii* [Statistics Essay on Peasant Land Ownership and Usage in European Russia]. Sankt-Petersburg: MVD.

Shapiro A.L. (1977) *Problemy sotsialno-ekonomicheskoy istorii Rusi v XIV–XVI vv.* [Problems of the Social and Economic History of Rus' in 14–16 Centuries]. Leningrad: LGU.

Shapiro A.L. (1959) *Vystuplenije v prenyah* [Some Oral Arguments] // *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy* [Annual on the Agricultural History of East Europe]. 1958, Tallinn: Akademija nauk ESSR, pp. 220–221.

Simonova M.S. (1982) *K izucheniju processa formirovaniya burzhuznoj zemelnoj sobstvennosti v Evropejskoj Rossii (1862–1914 gg.)* [To the Study of the Process of Forming the Bourgeois Land Ownership in European Russia (1862–1914)]. *Problemy istoricheskoy geografii Rossii. Vyp.II. Formirovaniye ekonomicheskikh rajonov Rossii.* [Problems of Historical Geography of Russia. Iss. II. The Formation of the economical Regions of Russia], Moscow: Nauka, pp. 144–170.

Skrebitsky A.I. (1865/1866) *Krestyanskoye delo v tsatstvovanije imperatora Alexandra II. Materialy dlya istorii osvobozhdenija krestyan. Gubernskie komitety, ih deputaty i Redaktsionnyje komissii v krestyanskom dele* [Peasant Issue during the Reign of Emperor Alexander II. Materials for the History of Liberation of Peasants. Provincial Committees, their Deputies and Editorial Commissions in the Peasant Issue], vol. 3, Bonn-on-the-Rhine: F. Kruger.

Slobodin V.M. (1952) *Istorija system zemledelija na territorii SSSR do Oktyabrskoj revolutsii. Avtoreferat diss. na soiskaniye uch.step. doktora econ.nauk* [The History of Agricultural Systems on the Territory of the USSR before the October Revolution. Author's abstract for the Doctorate Degree in Economics]. Sverdlovsk: Institut ekonomiki AN SSSR.

Slobodin V.M. (1971) *O krizise trehpolja v Rossii v XIX v.* [On the Crisis of three field System in Russia in XIX cent.]. *Ezhegodnik agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy* [Year-book on Agrarian History of Eastern Europe]. Tallinn: Akademija nauk ESSR, pp. 280–287.

Sobolev M. (1893) Sel'skij rostovschicheskij kredit v Rossii po dannum zemsko-statisticheskoy literatury [Rural Usurious Credit in Russia According to Zemskaya Statistics Literature] // *Sbornik pravovedeniya i obschestvennyh znaniy* [Collection of Jurisprudence and Public Knowledge], vol. 1, Sankt-Peterburg: Moskovskij universitet. pp. 235–267.

Stalin I.V. (1949) Na hlebnoy fronte [On the Crop Front Line] // Stalin I.V. *Sobr. soch.* Vol. 11, Moscow: Gospolitizdat. pp. 81–97.

Statistika zemlevladieniya 1905. *Svod dannyh po 50 guberniyam Evropejskoj Rossii* (1907) [Statistics of Land Ownership 1905. Accumulated Data on 50 Provinces of the European Russia], Sankt-Petersburg: CSK MVD.

Stoimost' proizvodstva glavnejshih hlebov (1915–1916). Vyp. I–II [Production Costs of the Main Standing Crops]. Petrograd: Ministerstvo zemledelija.

Strumilin S.G. (1926) Usloviya proizvodstva hlebov v SSSR [Conditions of Standing Crop Production in the USSR]. *Planovoye hozyaistvo*, no. 2, pp. 341–359.

Troinit'skij A. (1861) *Krepostnaya naselenije v Rossii po 10-j narodnoj perepisi* [Krepostnoye (Bonded) Population in Russia According to the 10th Population Census], Sankt-Peterburg: CSK MVD.

Trudy I Vserossijskogo selskohozyaistvennogo sjezda v Kieve 1–10 sentyabrya 1913 g. Vyp. II. Zhurnalnyye obschih sobranij sjezda, zasedaniya seksii obschestvennoj agronomii i doklady seksii (1914) [Papers of the First All-Russia Agricultural Congress in Kiev, 1–10 September 1913. Issue II. Journals of common meetings of the Congress, the meeting of the Common Agronomy Section and reports of the Section]. Kiev: Obshestvo selskogo hozjajstva.

V.V. (Vorontsov V.P.) (1892) *Krestyanskaya obschina. Obschij obzor zemskoy statistiki krestyanskogo hozyaistva* [Peasant Community. General Overview of the Zemsky Statistics of Peasant Economy]. Moscow: A. Mamontov.

Vainshtein A.L. (1924) *Oblozhenije i plately krestjanstva v dovoennoj Rossii i posle revolyutsii* [The System of Duties and Payments by Peasants in the pre-war Russia and after the Revolution]. Moscow: Ekonomist.

Varzar V.E. (1911) Obrabatyvayashchaya fabricho-zavodskaya promyshlennost' imperii k nachaly 1909 g. [Processing Factory and Plant Industry of the Empire by early 1909]. *Vestnik finansov, promyshlennosti i trgovli*, no. 50, pp. 484–486.

Vlasova I.V. (1992). Kollektivnyje formy truda v krestyanskom hozyaistve [Collective Forms of Labour in Peasant Economy]. *Krestyanskoye hozyaistvo: istoriya i sovremennost'* [Country Economy: History and Present], Vologda, October 1992. Part 1. Vologda: WGPI. pp. 34–36.

Vlasova I.V. (1995) *Kollektivnyje formy truda v krestyanskih hozyaistvah* [Collective Forms of Labour on Peasant Farms]. *Formy selskohozyaistvennogo proizvodstva i gosudarstvennoye regulirovaniye*. [Forms of Agricultural Production and State Regulation], Moscow: MGPI.

Voskresenskaya N.O. (1980) *Dinamika i struktura proizvoditelnyh sil v zernovom proizvodstve Evropejskoj Rossii kontsa XIX–nachala XX v. Opyt kolichestvennogo analiza. Avtoreferat diss. kand. ist. nauk* [Dynamics and Structure of Labour Forces in Grain Production in European Russia in the end of XIX–beginning of XX cent. An Attempt of Quantity Analysis. Author's abstract of the thesis for the Candidate of History – PhD in History], Moscow: MGU.

Yatsunskij V.K. (1961) *Izmeneniya v razmeschenii zemledeliya evropejskoj Rossii s kontsa XVIII v. do Pervoy mirovoy voyny* [Changes in the Location of Agriculture in the European part of Russia from the end of the 18th century to WW I]. *Voprosy istorii selskogo hozyaistva, krestyanstva i revolyucionnogo dvizheniya v Rossii* [Questions of History of Agriculture, the Peasantry and Revolutionary Movement in Russia], Moscow: Nauka, pp. 113–148.

Zyryanov P.N. (1992) *Krestyanskaya obschina evropejskoj Rossii, 1907–1914 gg.* [Peasant Community of the European Russia, 1907–1914 гг.]. Moscow: Nauka.